

(Окончание. Начало на стр. 1)

Перед этой встречей на ее неофициальном интернетовском сайте, созданном одним из поклонников, нашла странное эссе даже не о ней, а о человеке и его наважде-нии, принимающем образ Татьяны Друбич. С этого и начался разговор, с темы параллельной жизни человека и его публичного образа. Как наличие невольного публично-го двойника влияет на жизнь реальной Татьяны ДРУБИЧ?

— Мешает и не нравится. Экран — навязчивая история, если ты приносимой им публичности не хочешь. Люди по природе разные. Я, наверное, скрытная. А может, стала такой из-за этой самой публичности. Впрочем, она раздражает по-разному. История, о которой вы, Лена, говорите, — про «мистическую охоту на Т. Д.» — ничего общего со мной не имеет, это история написанного ее человека. Вель Интернет не только изменил наше сознание и бытие, но и спровоцировал на самовыражение лобного человека. Интернет так опрозрачил человека, что сделал его нечеловечески доступным. С этим надо, видимо, примириться. А вот примириться с опубликованными интервью, которых я не давала, читать свою псевдо-прямую речь невозможно, хочется — и когда-нибудь это сделаю — убить такого журналиста. У меня уже есть на примете несколько.

— Меня удивило, что вы в свое время появились в «Женских историях» Оксаны Пушкиной.

— И меня удивило. Правда, передачу я до конца так и не досмотрела. Не смогла от неожиданности. Оксана, безусловно, человек профессиональный, но специфика ее телевизионного искусства требует жертв.

Таня говорит, что в кино ничего особенного не играла, просто была собой в предполагаемых обстоятельствах. Такой ее увидел когда-то Соловьев.

— По сравнению с Татьяной Самойловой или Роми Шнайдер я действительно ничего не сыграла. Как, впрочем, многие. Просто дело в том, что люди, которым я нравилась на экране, — это приличные люди (смеется). И это не пристрастие к хорошей или плохой актрисе. Тут что-то другое. Опознание своего и чужого, то есть самое главное. Но я чувствую и безошибочно могу угадать человека, который никогда со мной даже не заговорит. Я для него пустое место, хорошенькая артистка, удачно вышедшая замуж. И все они по своему правы.

Некая параллельность бытия, хотя и в несколько утрированной форме, присутствует в ее героине в фильме «Привет, дуралеи!». Не случайно Рязанов хотел снимать в этой роли Ирен Жакоб, которая после фильма Кислевского словно пронизана темой параллельности жизни, вечной попыткой осознать возможность иной судьбы. И когда французенка сниматься не смогла, в качестве русской замены Рязанов выбрал именно Друбич.

Спрашиваю Таню о развилках судьбы. Задумывается ли она над тем, «что было бы, если бы не...» Не попала

в 12 лет на съемочную площадку, не сыграв в «Ста днях...», не пошла бы в медицинский, не встретила Соловьева в 14 лет, не рассталась бы с ним в 30...

— Конечно, задумываюсь, как всякий нормальный человек. Развилка — это возможность выбора. Все зависит от душевной зрелости. Сначала ты рождаешься таким, как есть, а потом становишься, каков есть. В моем поколении вариантов было не так много. И все прожили как бы не свои жизни. Рисковали только отъезжающие и попавшие в Афган. Мой «двойственный» вариант кажется самым эффективным. Кино и медицина дали мне такой объем жизни, который был бы недоступен в случае однозначного выбора. Но и за это надо платить. Иначе кино я по-настоящему не реализовалась как врач, а в этом я чувствую свои истинные, даже природные способности. Мои друзья все уехали, работают врачами в Америке, в разных странах. Я застряла из-за кино. Обман был, что это — жизнь. И, казалось, нормальная. Сейчас это чувство пропало. Счастье, что я не бросила медицину. А вообще теперь мало что изменилось, потому что понимание судьбы подменяет или успешная карьера, или способность зарабатывать. А судьба — она у мальчиков, погибших в Чечне или выбравшихся оттуда. Все одновременно очень просто и очень сложно. После Путина, которого, как бильярдный шар в лузу забили, я про судьбу перестала понимать. Единственное, что я знаю точно: если бы мой папа не умер, когда мне было 17 лет, моя жизнь сложилась бы иначе.

Она несколько лет не про-являлась публично. Потом было несколько ее интервью по большей части в глянце-вых журналах и в женской теле-программе, из которых напра-шивался вывод, что Друбич — редкий пример того, что и чело-век, бывший воплощением всей прелести былого, смог найти свое место в жизни, построен-ной совсем по другим правилам. В интервью перечислялись при-меты новой успешности: Дру-бич — глава представительства немецкой фирмы, Друбич за ру-лем дорогой машины, Друбич строит дом в Жуковке... А мне хотелось спросить: она ли это или снова созданный медиа параллельный образ, имеющий мало общего с каждодневной работой души?

— Когда это новое время началось, жить стало неприятнее, но проще. Потом приятнее (в смысле потребления), но стыдно. Наша жизнь, как кто-то удачно сказал, похожа на заяв-завшего алкоголика. Ощущение, что мы завязали, но скучаем по тому состоянию, когда пили. Мы умели жить без денег, а с деньгами стали теми, кто мы

есть на самом деле. Большею частью безжалостными жлобами. Раньше казалось: все плохо, а люди хорошие, жить им кто-то не дает. Оказалось, не кто-то — мы сами. Порода у нас человеческая такая. Поэтому стараюсь жить максимально независимо и замкнуто. Поэтому и стала заниматься предпринимательством, иначе пришлось бы жить по на-вязанным правилам. А так — выбираю я. И отвечаю тоже я.

Спрашиваю: был ли у нее день, когда она, проснувшись у-тром, не знала, чем кормить ре-бенка, где работать, как жить?

начинает отвечать, что не хоте-ла бы взаимодействовать со многими людьми, постоянно об-щаться с которыми заставляет эта «не своя» жизнь, но вдруг резко сама себя перебивает:

— Если б я могла, я бы в космос улетела, клянусь! Купи-ла бы билет и улетела! Начали-сь разговоры о коммерче-ских полетах, и я встрепену-лась, вот бы здорово. Я даже позавидовала Оле Кабо, когда ее готовили к полету. Может, это иллюзия, но только выр-вавшись из этого пространства и вернувшись, можно что-то

своего сына Митю, это история почти про его жизнь. Сережа не скры-вает, что привязан к близким людям и хочет с ними работать.

— А Дие он не предлагает сниматься?

— Она снималась в «Чер-ной розе» и в «Доме под звезд-ным небом». Сейчас не хочет категорически. Анино поколе-ние — первое свободное, не-пионерское, оно умеет выби-рать, и ничего не боится. Но в нем тем не менее еще доста-точно инфантильности. Вооб-ще им с нами повезло. Между

врашаясь в виртуальную су-перреальность.

Таня говорит о том, что дети открывают все, в нас глубоко скрытое. «Не бывает такого, что человек хороший, только ребен-ок у него вырос плохой!» И если Таня считает, что оценку ставишь себе на детей, спрашиваю, какую оценку ставит она себе?

— Очень высокую. Аня «красивая, как папа, и умная, как мама».

— Чем занимается сейчас Аня?

— Музыкой. Но я этого опа-саюсь. Непонятно, что будет с

Татьяна ДРУБИЧ:

ЗЛО — ЭТО НЕ РЕАЛИЗОВАННОЕ ДОБРО

В последнее время у Друбич стало хватать времени на себя. К сожалению

— У каждого бывает край. По сравнению с испытаниями других он может показаться несерьезным. Но это не меняет сути. И у меня было всякое. Но я никогда не хотела зави-симости. И это жуткая гибель-ная черта для женщины.

— У вас нет той спины, за которой «как за каменной стеной».

— Нет никакой спины. Я крайняя.

Этот крест умных женщин — всегда искать надежную стену и в итоге оказываться силь-нее, казалось бы, обретенной стеной. Может, от этого креста надломленность, которую не скрывать в самых отретуширо-ванных портретах женщин уходя-щего века — от Веры Холод-ной, с которой Таню почему-то так любят сравнивать журнали-сты, до нее самой, глядящей со ставших классикой кадров Со-ловьева и Лебешева и с портре-тов Валерия Плотникова. Гла-за (да простится мне еще одна банальность) выдают. Надлом ни за кринолином, ни за тусо-вочным прикидом не скрять.

— Мы все надломлены и сами себя гробим дальше. Только что всем городом похоро-нили Собчака и тут же выбра-ли Яковлева. Мы и себя точно так же «выбираем».

Если мы все проживаем не свои жизни, то какие они, наши? Какой была бы настоя-щая жизнь Татьяны Друбич, от-личная от теперешней? Таня

важное понять в себе и выб-рать для себя.

И, словно услышав эти слова, зашедший через не-сколько минут редактор прино-сит сувенир — календарь со снимками, сделанными на ор-бите обозревателем «Новой га-зеты» Юрием Батуриным, ког-да-то сорвавшимся в космос примерно с тем же посылом.

— А в кино перспективы сейчас есть?

— Перспектив никаких. С «Тургеневым» ничего не вы-шло. Не нашлось денег. Фильм «Москва» все строится. Не-сколько лет. На НТВ меди-цинская программа у меня, к сожалению, не получилась.

Так, легко и грустно зачер-кивая собственное кинемато-графическое настоящее, Друбич с увлечением рассказывает о новом фильме, который снял Сергей Соловьев и — что ка-жется невероятным — спродю-сировал Никита Михалков.

— Сережа снял изумитель-ную картину «Нежный возраст» — про поколение, которому было пятнадцать, когда началась «новая жизнь». На них, по сути, отыпались. Но картина как раз о выборе, о котором мы с вами, Лена, и говорим. Это последние советские пионеры в постсовет-ской рыночной реальности: от умирающих от передозировки до цветущих директоров супер-маркетов и добровольцев в Чеч-ню. Такая энциклопедия рус-

ской жизни. Сережа снял своего сына Митю, это история почти про его жизнь. Сережа не скры-вает, что привязан к близким людям и хочет с ними работать.

— Кем вам легче быть се-годня: мамой или дочкой?

— Мне легко быть мате-рью. И дочкой тоже, стало быть, легко, когда сама мамой стала. Что бы ты в жизни ни делал, оценку себе ставишь на детей. И эту оценку не натя-нешь. Интересно было бы опи-сать разные типы родительско-го эгоизма. Знаете, что расска-зывают акушерки про тепе-решних рожениц? Как вы думаете, какой первый вопрос задают большинство женщин сразу после родов?

Исходя из собственных ощущений, не могу предполо-жить ничего, кроме: «Мальчик или девочка?» и «Все ли с ре-бенком в порядке?»

— Теперь не о ребенке спрашивают, а волнуются: «Я порвалась?» Это даже не новая психология, а новая техноло-гия жизни. Все, что происхо-дит с генетикой, с клонирова-нием, очень изменил жизнь. Семья биологически стано-вится не нужна. И выражение «нашли в капусте» теряет свой иносказательный смысл, пре-

музыкой в следующем веке. Сейчас копируется быстрая ус-пешность во всем. Тем более на сцене. И успехи слишком легко-весные, часто случайные. Ка-кой-то спортивный образ жизни — все время надо выдывать ре-зультат. Иначе тебя «не будет», тебя потеряют по дороге.

— Может, эта «спорт-ивность» взялась в нашей жизни от того перелома, который все пережили, когда показалось, что можно только рвануть и в одночасье всего достичь?

— А чего достичь? Это са-мый важный вопрос — чего именно достичь?! То ли есте-ственно и последовательно развиваться в профессии, со-вершенствуя и собственную личность, и ремесло, то ли стремительно занять первое место и положить жизнь на то, чтобы его удержать.

Она стыдится собственных интервью и портретов в роскош-ных журналах в то время, как в Чечне идет война. Но, преклоня-ясь перед этой удивительной со-вместностью, глядя на дивный портрет, снятый Плотниковым в интерьерах Пушкинского дома, думаю, она все-таки не права. Должен же кто-то напоминать, что и в этом новом, глянцево-м, но на редкость некрасивом мире есть красота.

— Все модные атрибуты жизни, включая журналы, оста-ются провинциальными и вульгарными в нашем россий-ском пространстве. Ну это ладно. Чувствуешь себя уро-дом и воспринималась всем миром как урод. Живешь с чувством вины. То за Афгани-стан, то за Чечню, то за свой хороший автомобиль, то за то, что хорошо живешь в прово-ровавшейся стране. Это чув-ство вины все время пытаешь-ся компенсировать такими вот, например, интервью. А это еще хуже. Все как-то нече-стно. Но здесь такие правила.

Наверное, мы этой страной отравлены. Но остается наде-жда — не на возможность уехать, а на чувство космополитизма, которое наши дети должны впитать с нашим молоком. Что-бы не мучаться потом, уезжая или оставаясь, а просто не пони-мать смысла подобного вопро-са. Чтобы уезжать и возвра-щаться по мере необходимости, не делая факт пересечения гра-ницы мерилом любви к родине.

— Как это получается у Славы Полунина. Он делает то, что никто в мире не может, — преодолевает земную гравитацию и наше уродство.

«Snow show» Полунина Таня называет даже не потрясе-нием, а «просто счастьем».

— На его спектакле что-то меняется, будто фея пролетела,

и весь бомонд, собравшийся в «Новой опере», все VIP-го-сти стали просто людьми. Впервые с детства было чув-ство, что я пришла туда, где меня любят. Это было просто счастье! Ведь счастье челове-ка исчисляется количеством любви, которое он получает от других. А Слава на своих спектаклях любит нас беско-рыстно и щедро. И делает счастливыми.

Спрашиваю, что еще в нынешней культурной жизни кажется ей значимым?

— С одной стороны, культурная жизнь замещает-ся политическими сюжета-ми, интригами и героями. С другой — как люди ходили в консерваторию, так и ходят. С третьей — мне кажется, необычный интерес москов-ской интеллигенции к тако-му жанру, как детектив, к Акунину например, — прояв-ление усталости всякого рода.

— Таня, а способность любить с возрастом не теря-ется?

— Способность любить, как талант, нигде не девает-ся. Только предметов любви становится все мень-ше и меньше.

— А времени для самой себя хватает?

— В последнее время стало хватать, к сожалению. Плохая ситуация, когда вре-мени хватает...

Сейчас Таня больше зани-мается делами фирмы. Гово-рит, что нужно придумать ка-кой-то баланс этой правиль-ной деловой жизни, но баланс пока не находится. Мы пред-ложили Татьяне перевести идею несостоявшейся теле-программы о здоровье в газет-ную плоскость, вести рубрику в «Новой газете» — не только о медицине, о жизни вообще. Таня обещает подумать.

— В юности человек мечта-ет, представляет, как жизнь сло-жится, но с годами люди все больше опасаются заглядывать вперед, представить себя в стар-ости. Вам никогда не хотелось «заглянуть» в свою старость?

— Старость жду даже с радостью. Это же наверняка новые впечатления и ощу-щения, зачем же от них отказываться. Наблюдаю за тем, как меняюсь с возрас-том, и мне это нравится. Старость — это результат жизни, и она будет такой, какую жизнь я прожила.

Она и дом строила не-множко для того, чтобы в старости сидеть там в окру-жении внуков.

— И внуков!!!

● Елена АФНАСЬЕВА

